
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Среднее vs высшее

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ*, Е.С. ПОПОВА**

***Давид Львович Константиновский** – доктор социологических наук, заведующий отделом социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: scan21@mail.ru

****Екатерина Сергеевна Попова** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: esporova@isras.ru

Цитирование: Константиновский Д.Л., Попова Е.С. (2020) Среднее vs высшее // Мир России. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26

В образовательных и профессиональных траекториях молодежи России произошли значимые изменения. С 2015 г. охват программами среднего профессионального образования по подготовке специалистов среднего звена превысил охват программами высшего образования и продолжает расти. В статье на материалах государственной статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения проводится сравнение занятости и безработицы, мотивации выбора и динамики интереса, социального самочувствия после трудоустройства обладателей дипломов о среднем профессиональном и высшем образовании. Показано, что вузовский диплом потерял и в реальной, и в символической ценности как для обладающего им (или стремящегося к обладанию), так и для работодателя. При этом уменьшение стремления к высшему образованию, спад вовлеченности в эту сферу содержат определенные риски для наращивания и эффективного использования человеческого капитала. Обосновывается необходимость комплексного изучения побудительных мотивов социального поведения молодежи, аспектов ее дальнейшего трудоустройства и социального самочувствия.

Ключевые слова: молодежь, образование, образовательные траектории, среднее профессиональное образование, высшее образование, рынок труда

Введение

В 2019 г. обществу было предъявлено, что в социальном поведении выпускников школ произошли значимые изменения: вектор выбора молодежью образовательных и профессиональных траекторий поменял направление. Согласно сообщению ТАСС относительно результатов опроса портала *Superjob.ru*, «среди выпускников растет спрос на получение знаний в средних специальных учебных заведениях. Если в 2010 г. только 8% опрошенных планировали поступать в колледжи, то в нынешнем году [2019] доля таких россиян выросла до 27%. В то же время популярность вузов среди выпускников падает. Если девять лет назад 80% планировали получить высшее образование, то сейчас только 47%» [Меньше половины россиян заявили о планах 2019]. Медийное пространство откликнулось тиражированием заголовков и выводов – «Спрос на среднее профобразование сравнялся с вузовским, рынок труда к этому не готов» [Трушин 2019], «Закат высшего образования в стране?» [Россияне стали массово отказываться от высшего образования 2019]; а ВЦИОМ и Левада-Центр назвали полученные результаты хайпом [Поздеева 2019]. В связи с этим или независимо, Минпросвещения России вскоре открыло горячую линию для абитуриентов, поступающих в колледжи и техникумы [Минпросвещения России 2019].

В ряде зарубежных исследований отмечается, что участие в сфере среднего профессионального образования (СПО) позволяет сократить уровень молодежной безработицы и повысить эффективность переходов от образования к рынку труда [Ainsworth, Roscigno 2005; Iannelli, Raffè 2007]; также зафиксирована и более высокая вероятность трудоустройства с квалификацией специалистов среднего звена (в более поздних возрастах она снижается) [Forster, Bol, Werfhorst 2016]. При этом исследователи выражают обеспокоенность тем, что в настоящее время среднее профессиональное образование является ключевым способом опосредования и воспроизводства социального неравенства вместо того, чтобы быть механизмом социальной интеграции [Wheeler 2015]. Подчеркивается важность преобразующей роли СПО, которое смещает фокус с экономического роста на благосостояние людей в контексте редуцирования бедности и социальной несправедливости [McGrath, Powell 2015]. Из российских работ, появившихся в последнее время, отметим, в частности, «Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России» [Дудырев, Романова, Шабалин, Абанкина 2019]. Назревавшие перемены, однако, не получали должного отражения в научных публикациях.

Данные

Прием на обучение и охват образовательными программами

Прием на программы бакалавриата и специалитета в российские вузы сокращается с 2012 г. (рисунк 1). Приведенные на графике данные отображают не только демографические процессы, характерные для нашей страны [Горшков, Шереги 2009; Горшков, Шереги 2010, с. 11–20]. Обращает на себя внимание, что в противопо-

ложность происходящему в сфере высшего образования (ВО) численность поступающих на программы подготовки специалистов среднего звена¹ растет с 2013 г. Массовость этого потока дает основания предполагать, что его составляют и те, кто оказался в нем вынужденно вследствие особенностей экономического положения и личных обстоятельств, и те, кто избрал СПО, исходя из личных предпочтений, оценки требующихся для образования ресурсов и ситуации на рынке труда.

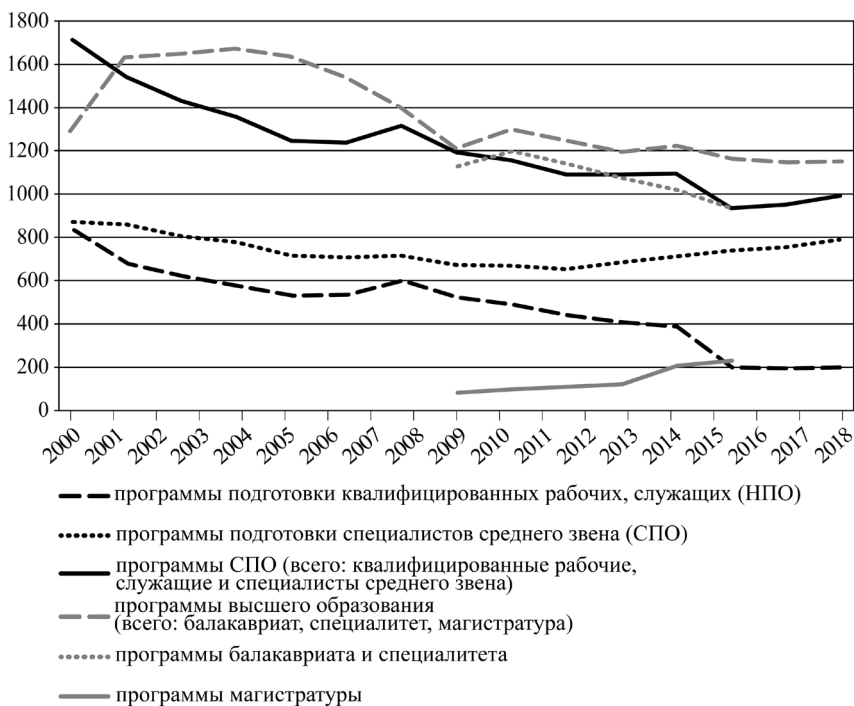

Рисунок 1. Прием студентов на обучение по программам профессионального образования в динамике лет, тыс. чел.

Построено по [Индикаторы образования 2013, с. 119, 125, 131, 139; Индикаторы образования 2017, с. 123, 129, 137, 149, 150; Индикаторы образования 2018, с. 142, 145, 154, 168; Образование в цифрах 2019², с. 48, 50, 52]

¹ В связи с изменениями в терминологии (новая редакция ФЗ об образовании № 273, ст. 12, п. 3), следует пояснить следующее. В используемых далее данных RLMS фиксируются:

- данные опросов выпускников ПТУ со средним образованием, технических училищ; ранее такое образование называлось начальным профессиональным, а теперь включено в программы среднего профессионального образования и носит название программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих (НПО);
- данные опросов выпускников техникумов, медицинских, музыкальных, художественных, педагогических училищ; ранее такое образование называлось средним профессиональным, теперь носит название программ подготовки специалистов среднего звена, притом они также включены в программы среднего профессионального образования (СПО);
- данные опросов выпускников институтов, университетов, академий; обладание дипломом специалиста, бакалавра или магистра формально означает получение высшего образования.

² Данные отдельно по приему на программы бакалавриата, специалитета и магистратуры не приведены в статистическом сборнике.

Признаки существенных перемен находят свое подтверждение и при анализе охвата молодежи программами профессионального образования³: с 2015 г. охват программами среднего профессионального образования по подготовке специалистов среднего звена превысил охват программами высшего образования; линейный прогноз позволяет предположить, что данная тенденция будет устойчива в ближайшей перспективе (рисунки 2).

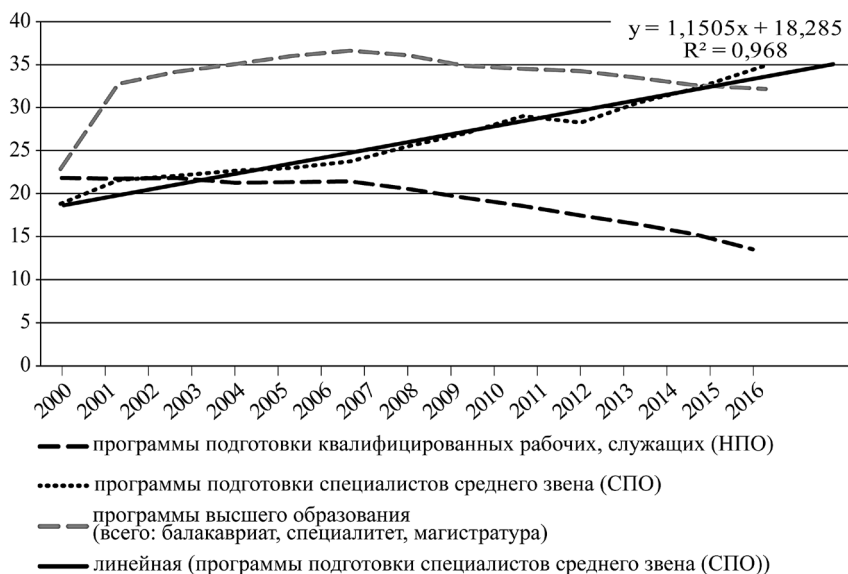

Рисунок 2. Охват молодежи программами профессионального образования, %

Построено по [Индикаторы образования 2013, с. 123, 128, 135; Индикаторы образования 2017, с. 127, 132, 142; Индикаторы образования 2018, с. 144, 150, 160]

Нередко встречается мнение, что оптимальной траекторией движения к вузовскому диплому является путь из девятого класса школы в среднее профессиональное образование [Александров, Тенишева, Савельева 2015; Бессуднов, Куракин, Малик 2017; Дудырев, Романова, Травкин 2019]. Напомним, однако, что с 2015 г. зачисление в вуз после окончания колледжа усложнилось: по новым правилам поступление возможно после сдачи ЕГЭ или профильных вступительных экзаменов (вуз сам определяет условия) и только на 1-й курс [Учебный экономкласс 2019]. К тому же с 2012 г. планирующих после окончания СПО поступать в вуз, хотя и незначительно, становится все же меньше, о чем свидетельствуют результаты исследований российских коллег [Андрущак, Прудникова, Шугаль 2012; Александров, Тенишева, Савельева 2015]. При этом охват молодежи образовательными программами СПО не только не сократился, но и продолжает расти.

³ Отношение численности обучающихся по программам профессионального образования к численности населения в соответствующей возрастной группе, %.

Занятость/трудоустройство

Материалы Федеральной службы государственной статистики фиксируют увеличение численности безработных с высшим профессиональным образованием (рисунок 3)⁴, что свидетельствует в пользу выбора СПО.

Рисунок 3. Безработные по уровню образования, %

Построено по [Труд и занятость в России 2017, с. 80; Россия в цифрах 2018, с. 105]

Обратимся к материалам Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения⁵. Для нашего исследования в материалах 26-й волны мониторинга из репрезентативной выборки по индивидам были отобраны респонденты в возрасте от 17 до 35 лет. Этот диапазон выбран для того, чтобы охватить молодежь от возраста, когда она выходит из сферы общего образования, до такого, когда она может вполне осознавать свое положение в сфере труда. Такой выбор соответствует целям исследования, которые предполагают поиск общих тенденций в социальном поведении молодежи, без более конкретного их рассмотрения. Другая характеристика нашей подвыборки: $n=2\ 855$ (при $N=12\ 441$), что составляет 22,9% от общего числа респондентов.

Анализ занятости по типу образовательной траектории в динамике лет, проведенный по объединенной базе данных с 1994 по 2017 г., позволяет заключить, что коридор процентных значений между занятостью обладателей среднего профессионального и высшего образования не превышал 10 процентных пунктов (2004 г.), а в 2016 г. шансы получить работу у представителей этих групп практически сравнялись.

⁴ В рамках методики Федеральной службы государственной статистики при анализе структуры безработных по уровню образования в числе имеющих высшее профессиональное образование учитываются и те трудовые ресурсы, которые имеют неполное высшее профессиональное образование.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms>; <http://www.hse.ru/flms>).

Ответы на вопрос Мониторинга «Какой у вас самый высокий уровень образования, по которому вы получили аттестат, свидетельство, диплом?» дают возможность сравнить уровни занятости молодежи, получившей различное образование. В ситуации наибольшего напряжения⁶ находятся, по данным Мониторинга⁷, обладатели дипломов бакалавриата: по-видимому, с одной стороны, для некоторых работодателей и части выпускников представляется желательным продолжение образования, с другой, диплом об образовании уже получен и становится актуальным вопрос трудоустройства. Обладатели дипломов специалитета – наиболее благополучная и устойчивая в плане трудоустройства группа. Однако те, кто прошел через программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, практически столь же успешны на рынке труда, а в 2017 г. первые даже превзошли имеющих вузовские дипломы специалистов, а вторые практически догнали (*таблица 1*). Это может подтверждать правильность выбора, сделанного теми, кто, по разным причинам, предпочел СПО.

Таблица 1. Занятые в возрасте с 17 до 35 лет по уровню образования по всем населенным пунктам, % от группы с дипломом

Уровень образования	2013	2015	2017
НПО	74,1	72,2	75,8
СПО	73,2	69	73,7
ВО: бакалавр	62,9	56,2	62,7
ВО: специалист	78	75,5	74,1

Зачастую обретаемая на рынке труда позиция не соответствует специальности, полученной в образовательной организации. В период с 2014 по 2016 г. доля имеющих работу, связанную с полученной профессией, невысока и весьма стабильна по всем уровням профессионального образования: немногим более 10% выпускников программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих и около 15% специалистов среднего звена (10,9 и 15,6% – в 2014 г., 10,7 и 15,4% – в 2015 г., 10,5 и 15,4% – в 2016 г.), менее четверти обладателей дипломов высшего образования (23,5; 23,8; 24,0% соответственно) имели работу, соответствующую приобретенной специальности [Индикаторы образования 2018, с. 66].

Большая часть молодых респондентов вне зависимости от уровня образования и типа населенного пункта нашли работу в торговле и на предприятиях

⁶ В рамках концепции моделирования выхода на рынок труда [Becker 2006].

⁷ При анализе ситуации занятости и безработицы обладателей диплома бакалавра мы сталкиваемся со следующим ограничением. Вопрос о годе получения диплома звучит как «В каком году окончили/ушли из института, университета, академии, включая магистратуру?», в связи с чем не представляется возможным уяснить, какая часть занятых/безработных бакалавров продолжила обучение в магистратуре, по причине чего обладает статусом безработных. В логике проводимого нами анализа учащийся не является безработным.

бытового обслуживания. Среди квалифицированных рабочих, служащих в этой сфере 41,1% работает в областных центрах, 30,8% – в городах и 22% – в ПГТ и селах; среди специалистов среднего звена – треть в областных центрах и городах (31,6% и 33,6% соответственно), в ПГТ и селах эта доля меньше (19,2%). Сфера строительства аккумулирует 17,2% молодых квалифицированных рабочих, служащих в областных центрах и 12,1% в городах; легкая и пищевая промышленность – 15,3% в ПГТ и селах. Десятая часть квалифицированных рабочих, служащих на селе заняты в сельском хозяйстве (11,9%) и образовании (10,2%). Молодые специалисты среднего звена в ПГТ и селах заняты в легкой и пищевой промышленности (7,2%), вдвое чаще в образовании (14,4%) и в четыре раза чаще в здравоохранении (17,6%). Несмотря на приведенные выше отдельные исключения, в целом данные о распределении обладателей среднего профессионального образования по отраслям экономики не позволяют утверждать, что молодежь работает преимущественно в промышленности и на производстве.

Занятость по отраслям экономики среди обладателей дипломов высшего образования более разнородна. При этом доля занятых в торговле, бытовом обслуживании ниже, чем у обладателей дипломов среднего профессионального образования, но все равно преобладает – более пятой части среди специалистов (23% – в областных центрах, 20,1% – в городах, 22,1% – в ПГТ и селах) и около трети среди бакалавриата (39,2% – в областных центрах, 17,1% – в городах, 30,8% – в ПГТ и селах). Специалисты чаще, чем обладатели среднего профессионального образования, представлены в нефтегазовой промышленности, органах управления, финансах, т.е. в отраслях, в которых занятость выпускников СПО невысока.

Мотивация выбора

Анализ мотивов обращения молодежи к СПО в динамике позволяет сделать вывод, что происходят подвижки от преобладания вынужденности в мотивации рациональности выбора [Константиновский, Попова 2018]. На рубеже 2000-х гг. среди причин выбора СПО лидировало «желание скорее стать самостоятельным, получить профессию», а «призвание» в качестве побудительного мотива отмечала лишь 1/5 направляющихся в начальное профессиональное образование и чуть менее 1/4 поступающих в ССУЗы [Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, Хохлушкина 2011]. В недавних исследованиях обучающиеся по программам профессиональной подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена в первую очередь объясняли свой выбор сочетанием интереса к выбранной профессии и материальной необходимости. Перемены заслуживают внимания к ним и с полным основанием могут быть оценены как значимые. Мотивы выбора конкретной специальности подтвердили приоритет как интереса, так и вознаграждения за труд. Обнаружились и различия в мотивации обучающихся по разным программам: для выпускников, овладевающих профессиями квалифицированных рабочих и служащих, оказались более важными достойная заработная плата и легкость трудоустройства, а для будущих специалистов среднего звена – перспективы построения хорошей карьеры и престиж специальности [Константиновский, Попова 2018].

Схожие результаты получены коллегами [Семенова 2011; Дудырев, Романова, Шабалин, Абанкина 2019]. По результатам Мониторинга экономики образования ВШЭ⁸, в 2006 г. студенты программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих прежде всего руководствовались такими причинами, как «нетрудно поступить», «бесплатная или доступная оплата обучения», «несложно учиться»; в 2014 г. определяющими мотивами стали «хорошее обучение по профессии, которая нравится», при этом по-прежнему был значим мотив «несложно учиться», за которым с отрывом всего в 0,3% следовал мотив «можно получить высокооплачиваемую профессию». Подчеркнем, что в динамике лет среди избирающих программы подготовки специалистов среднего звена неизменно была важна причина «здесь хорошее обучение по профессии, которая нравится» (чуть менее 2/5 ответов), а «хорошие, квалифицированные преподаватели» оставалась существенным мотивом для 1/4 этой группы респондентов; «бесплатная или доступная оплата обучения», игравшая весомую роль в 2006 г., в 2014 г. была отмечена вдвое реже⁹.

Отличается ли мотивация тех, кто выбирает среднее профессиональное образование, от мотивации планирующих поступить в вузы? Сравнение данных по разным группам молодежи обнаружило весьма похожую структуру мотивов [Константиновский, Попова 2016]: желание стать компетентным работником, получить работу, соответствующую интересам и склонностям и при этом высокооплачиваемую, в равной степени характерно для различных групп молодых людей.

Динамика интереса

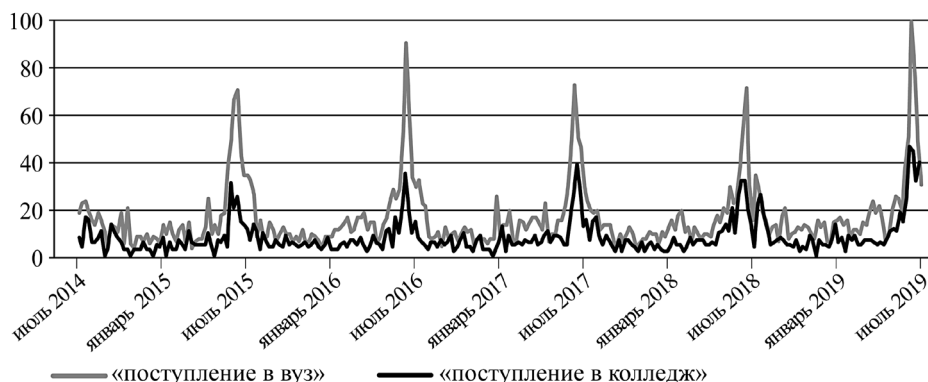

Рисунок 4. Динамика интереса поисковых запросов в Google в баллах, 2014–2019 гг.¹⁰

⁸ <https://memo.hse.ru/>

⁹ Подробно с процентным распределением и особенностями мотивации выбора среднего профессионального образования можно ознакомиться в [Дудырев, Романова, Шабалин, Абанкина 2019, с. 157–158].

¹⁰ Динамика интереса рассчитана при помощи веб-аналитического инструментария Google Trends, в котором степень популярности поискового запроса рассчитывается не в частоте запросов, а в относительных числах – баллах, отражающих тренд популярности.

Индикатором анализируемых изменений может послужить динамика запросов в интернете. *Рисунок 4* представляет динамику поисковых запросов относительно вариантов образовательной траектории в поисковой сети *Google*¹¹. Эти данные могут рассматриваться как дополнительное подтверждение роста интереса к программам среднего профессионального образования и сокращения заинтересованности в вузовском. Запросы «заявление на поступление в колледж» и «поступление в колледж после 11-го класса» оказались, по оценкам *Google*, «сверхпопулярными» (терминология *Google*). Вместе с тем интерес к СПО необязательно означает, что молодые люди намерены ограничиться получением среднего профессионального образования. О том, что обратившиеся за помощью к *Google* нередко примеряют на себя вариант образовательной траектории «колледж – вуз», свидетельствует о распространенности и запроса «поступление в вуз после колледжа».

Добавим, что анализ времени (месяцев) и продолжительности всплесков интереса в сочетании с анализом структуры содержания запросов также позволяет проследить, когда принимается решение о выборе СПО – заблаговременно или на основании результатов ГИА/ЕГЭ (определенно вынужденное решение).

Социальное самочувствие

Для интерпретации обусловленности социального поведения особый интерес представляют данные о социальном самочувствии после трудоустройства. Приступая к этой части работы, мы руководствовались тем, что самоощущение возникает в рамках усвоенных социальных ценностей и норм, обусловлено сформированными в ходе социализации ожиданиями и планами на будущее, социальными установками и диспозициями, регулирующими социальное поведение [*Ядов 2013, с. 35*]. Некоторые аспекты социального самочувствия, связанные с удовлетворенностью различными сторонами профессиональной деятельности, могут быть рассмотрены на материалах RLMS¹². При этом высказанные респондентами мнения выражают оценку ими соотношения между ожиданиями и реальностью.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что во всех группах респондентов, независимо от их образования, значительное большинство удовлетворено работой в целом. Этот факт поддерживается информацией относительно условий труда: ими также удовлетворены более половины опрошенных. Иначе обстоит дело с перспективами роста: здесь частота положительных оценок балансирует около 50%. И совсем неоптимистично оценивается оплата труда: удовлетворенные ею оказываются в меньшинстве не только среди выпускников СПО, но и (хотя и меньшей степени) среди обладателей вузовских дипломов. Во всех группах молодежи у большинства ожидания относительно заработной платы, как видно из *таблицы 2*, не оправдались: здесь больше разочарованных, чем удовлетворенных. В це-

¹¹ С мая 2017 г. *Google* является наиболее популярной поисковой сетью в Российской Федерации: Рейтинг поисковых систем на 2019 год (2019) // SEO-AUDITOR // <http://gs.seo-auditor.com.ru/sep/2019/>

¹² Рассматриваются ответы респондентов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены: Вашей работой в целом; условиями Вашего труда; оплатой Вашего труда; возможностями для Вашего профессионального роста?».

лом получается следующая картина: работой в целом большинство респондентов удовлетворены, хотя перспективами продвижения – не столь многие, а зарплатой на этой работе – и подавно. Выходит, что-то компенсирует проблемы с возможностями профессионального роста и оплатой. Но что именно? Только ли условия труда? При этом важно учитывать следующее: обладатели дипломов высшего образования чаще других удовлетворены условиями работы, работой в целом, своими перспективами и оплатой труда; в то время как специалисты среднего звена удовлетворены реже, а квалифицированные рабочие и служащие – еще реже.

Таблица 2. Удовлетворенность условиями, оплатой труда, возможностями профессионального роста и работой в целом по уровню образования

Образование	Удовлетворенность			
	Условиями труда	Оплатой труда	Возможностями роста	Работой в целом
НПО	58,1	30,9	41,9	64,2
СПО	64,4	39,2	51,3	68,6
ВО: бакалавр	80,8	43,4	53,5	75,8
ВО: специалист	71,7	43,8	52	72,6

Примечания:

– показана сумма ответов «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены»;

– получившие диплом магистра не рассматриваются ввиду их малочисленности в подвыборке для данного анализа.

Анализ медианных значений также в целом подтвердил выводы, сделанные выше. Исключения составили существенно низкие значения оценки возможностей профессионального роста среди выпускников профессиональных курсов и оплаты труда среди обладателей дипломов бакалавриата.

Мастерство

Исследование социального самочувствия молодых работников может быть продолжено анализом их собственных оценок своего профессионального мастерства¹³. При этом представляется вполне обоснованным предположение, что такая самооценка связана с уровнем полученного образования¹⁴. Нельзя не отметить

¹³ Вопрос RLMS: «Представьте себе “лестницу профессионального мастерства”, состоящую из 9 ступеней, где 1-я ступенька – это уровень начинающего ученика, а 9-я – это уровень “профессионала высокого класса”. На какую из них Вы поместили бы себя?».

¹⁴ Конечно, речь идет прежде всего об инструментальной ценности образования, притом применительно к конкретной работе, выполняемой респондентом в определенный момент в определенном месте. Также следует иметь в виду, что имеется возможность рассматривать уровень образования, но не качество.

самокритичность молодых работников и их вполне объективный взгляд на собственную квалификацию: медианное значение самооценок профессионального мастерства в целом по массиву безотносительно возраста равно 7, в то время как среди молодых – 5. Наиболее высоко оценили свое профессиональное мастерство молодые обладатели дипломов специалиста – на уровне 6-й ступени. Оценки ниже медианного значения в большей степени распространены среди обладателей дипломов среднего профессионального образования и бакалавриата.

Таблица 3. Оценка своего положения на лестнице профессионального мастерства по уровню образования

Ступени мастерства	НПО	СПО	Бакалавры	Специалисты
Низшая	3,4	1,4	4,8	2,5
2	6,0	2,8	11,9	1,9
3	10,3	14,6	7,1	8,1
4	19,8	13,2	14,3	5,6
5	18,1	18,1	16,7	21,1
6	13,8	21,5	11,9	18,0
7	19,0	14,6	23,8	23,6
8	7,8	11,1	7,1	16,8
Высшая	1,7	2,8	2,4	2,5

Обращаясь к анализу процентного распределения (таблица 3), обнаруживаем, что чем выше уровень образования, тем к более высоким ступеням смещаются оценки. У выпускников НПО наибольшая частота самооценок профессионального мастерства встречается на уровне 4-й и 5-й ступеней (в сумме – 37,9%), на уровне 7-й ступени расположились 19% оценок. Выпускники СПО чаще выставляли оценки на уровне 5-й и 6-й ступеней (в сумме – 39,6%). У бакалавров максимум – еще выше, на уровне 7-й ступени (23,8%). Мнения молодых специалистов главным образом сосредотачивались на уровнях с 5-й ступени и выше, при этом и на высоком 8-м уровне оказались 16,8% оценок. Такой значительной доли оценок на 8-й ступени нет в других группах; распределенность же значительных частот оценок по нескольким близким одна к другой ступенькам, возможно, отчасти объясняется различиями в качестве высшего образования.

Обсуждение

Значимость информации о спаде интереса к получению дипломов вузов понятна, поскольку она противоречит прошлому опыту и устоявшемуся представлению

о престижности вузовских дипломов. Действительно, высшее образование ценилось в нашей стране. В советский период призывы к молодежи идти не в вузы, а в поле и к станкам не имели успеха. Даже в сложные постсоветские годы его престиж в целом сохранялся. Модификация реальности оказалась действеннее деклараций и сильнее противостоявших им стереотипов. Вузовский диплом перестал обладать и реальной, и символической ценностью как для обладающего им (или стремящегося к обладанию), так и для работодателей. Это с полным основанием можно назвать революционным поворотом. Что же могло произойти?

Возможно, сказалось идеологическое давление на престиж высшего образования, включая как наименование интеллигенции прослойкой, так и другие усилия тогдашней власти по ее дискредитации (что не мешало интенсивно использовать работников умственного труда). Это давление в советский период сочеталось с экономическим: например, рабочий у станка нередко зарабатывал больше инженера с вузовским дипломом. Экономическое давление усилилось и стало определяющим в начальный постсоветский период, когда рухнул прежний рынок труда, и квалифицированные работники были вынуждены заниматься торговлей, становиться «челноками» и т.п. Но рынок труда продолжал меняться, и его изменения стали не менее действенными. В национальной экономике сложился сектор, требующий специалистов высокой и очень высокой квалификации, но вместе с тем другой сегмент экономики в такой квалификации не нуждался. Красивые фразы о наступлении постиндустриальной эры к нему не относятся.

Обоснованные сомнения в том, что нам нужно приращение человеческого капитала [Гимпельсон 2016], постепенно (прибегнем к известному выражению) овладели и массами: стали частью общественного сознания, обратились убеждениями молодых людей и их родителей, изменив отношение к образованию.

Нельзя не упомянуть и о том, что способствовало падению авторитета образовательной сферы: загруженность учителей, озабоченных в первую очередь заработком и заполнением огромного количества документов; укрупнение школ, создавшее проблемы учителям и ученикам; искажение смысла ЕГЭ, оказавшегося инструментом, посредством которого решается судьба ученика, осуществляются селекция с целью улучшения показателей школы и оценка работы учителя; сверхзанятость преподавателей, вынужденных читать курсы в нескольких вузах одновременно для того, чтобы обеспечить сносное существование. Происходившее год за годом, независимо от намерений управленцев, усугубляло дискредитацию образования и квалификации, а также ограничивало возможности выбора образовательной и профессиональной траектории.

Символы, между тем, сохранили свою значимость: чтобы не смущать терминологией, ПТУ были объединены с техникумами и получили наименование «колледжи»; учреждения начального профессионального образования и среднего специального были слиты под новыми названиями – «программы обучения квалифицированных рабочих, служащих» и «программы обучения служащих среднего звена»¹⁵.

Росту интереса к СПО способствовала коммерциализация образования вкупе с ростом стоимости жизни: как бы хорошо подросток ни сдал ЕГЭ, семья с ограниченным достатком не в состоянии покрыть расходы, связанные с обучением

¹⁵ Вспомним, как в советское время завлекали юношей в сельское хозяйство, придумывая названия профессий (вроде «дояра»).

ребенка в хорошем вузе. Пришло осознание, что только качественное образование увеличивает шансы на хорошее трудоустройство и высокую заработную плату, но доступ к качественному высшему образованию по-прежнему остается связан с неравенством. В этой ситуации решение о поступлении в колледж выглядит привлекательнее, при том что и рынок труда его поддерживает.

Однако мотивация выбора в пользу среднего профессионального образования, как было показано выше, изменилась, что убедительно подтверждено динамикой поисковых запросов в интернете. Учет материальных факторов, конечно, остался, но подростки и (можно с уверенностью утверждать) их родители после долгого периода заблуждений и поиска ориентиров нашли оптимальные решения. Данный тренд совпал (не мог не совпасть) с потерей интереса массового рынка труда к вузовским дипломам [Сафиуллина... 2019], чему способствовали толерантность рынка в отношении уровня образования работников и коррекция его требований. Это произошло не без объективных оснований: можно сослаться хотя бы на то, что страна прожила несколько лет без серьезных кризисов (подобных тому, что произошел в 1998 г.), изменение мотивации при выборе образования и профессии говорит не только о подвижках в формировании карьеры, но и о существенных позитивных изменениях в общественном сознании. Больше достоинства, больше уважения к себе. И как результат – более рациональные решения относительно будущего.

По окончании учебы выпускники СПО сталкиваются с проблемой трудоустройства. Сложнее ли их положение на рынке труда, чем у обладателей вузовских дипломов? Данные, которые приведены в первом разделе статьи, свидетельствуют: выпускники и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих, и программ подготовки специалистов среднего звена находят работу не менее успешно, чем выпускники вузов, и тенденция такова, что выпускники СПО оказываются успешнее в этом смысле, чем обладатели дипломов высшего образования.

Молодежь крайне чувствительна к переменам, она чутко улавливает новизну в происходящем и безошибочно определяет свои ориентиры. Это не означает, что школьники штудируют статистические справочники, изучают данные в таблицах и строят диаграммы. У молодежи и родителей есть свои источники информации, позволяющие выявлять современные тренды, благодаря чему вектор социального поведения молодых незамедлительно выстраивается соответствующим образом, направляя молодежь туда, где есть реальные перспективы. Статистические таблицы рассказывают о результатах измерений, сделанных вчера; наблюдения за устремлениями молодежи дают материал для прогностических утверждений¹⁶.

Часто обсуждаемый вопрос о соответствии специальности, по которой выпускник работает, профилю его образования имеет смысл, но в большей степени имеет ограничения. Конечно, и соответствие номенклатуры выпускаемых специалистов потребностям рынка труда, и качество обучения подлежат совершенствованию как в среднем профессиональном, так и в высшем образовании. Сократить имеющийся разрыв между спросом и предложением рабочей силы, гармонизиро-

¹⁶ Мнения работодателей относительно потребности в кадрах различной квалификации: «По оценкам руководителей предприятий и кадровых служб, предприятия в среднем не доукомплектованы на четверть от имеющейся потребности в квалифицированных рабочих и специалистах. При этом за последние пять лет спрос на специалистов оставался на одном и том же уровне, а спрос на квалифицированных рабочих постоянно увеличивался как за счет недостатка предложений по кадрам, так и за счет увеличения доли рабочих специальностей в общем производственном процессе. Данная тенденция, по оценкам экспертов, будет сохраняться и далее» [Ключарев 2015, с. 50].

вать происходящее на рынке труда, несомненно, необходимо. Но не следует ли обратить вопрос о профилях образования и работы не только к сфере образования, но и к рынку труда, обусловленному сегодняшней структурой экономики? Судя по данным, которые приведены в первой части статьи, он чаще всего предлагает молодым (независимо от уровня образования) очень ограниченный и весьма однообразный выбор. Представим себе, что наша система образования дает специализацию в весьма узком диапазоне, где преобладают торговля и сфера обслуживания; хотели бы мы, чтобы у нас в стране была такая система образования?

Примем также во внимание, что содержание профессий меняется за те годы, которые молодые люди проводят в образовательных организациях, а профессиональные ориентации молодых (да и немолодых) людей очень подвижны. Увлечение новыми перспективами, осознание иных склонностей, да и разочарование в ранее выбранной профессии столь же характерны для человеческой природы, как и преданность первоначальному решению (особенно в том возрасте и в том статусе, которые соответствуют получению образования). Поиск работы по специальности также требует времени; в этот период молодому человеку приходится соглашаться на любую занятость, дающую средства к существованию. Вспомним и о том, сколько людей находили себя и становились успешными не в той сфере, к работе в которой они проходили подготовку. Усилия человека и затраты общества на его образование при этом отнюдь не пропадали втуне.

Предлагаемое порой обязательное распределение с закреплением человека на рабочем месте на несколько лет (со ссылками как на советский опыт, так и на зарубежную практику)¹⁷ не решит проблем безработицы и соответствия профилей обучения работе. Можно попытаться заинтересовать работодателя определенными льготами, однако кажется невероятным вынудить руководство бизнес-структуры или государственной корпорации принять на работу непрофильного специалиста. Это, однако, лишь часть вопроса, и притом не самая важная. Кто-то из выпускников образовательных организаций согласен на подобное трудоустройство и на такую программу на годы вперед, но другие молодые специалисты к этому не готовы [Радаев 2018, с. 20]. В интервью с молодыми специалистами обнаружился массовый запрос на гарантированное трудоустройство, но – «почувствуйте разницу» – не на обязательное распределение¹⁸.

Данные о социальном самочувствии и оценке мастерства, на первый взгляд, опровергают приведенные выше аргументы в пользу СПО: по каждому из этих представленных в RLMS показателей верх одерживают обладатели вузовских дипломов. В самом деле, как могло быть иначе? Ведь, например, заработная плата выпускников СПО значительно меньше, чем у выпускников вузов¹⁹, а достаток молодых специалистов, по результатам исследований социологов, невысок даже по

¹⁷ Напр., см. упоминание об этом в публикации [Трушин 2019].

¹⁸ Рукопись Е.С. Поповой «Только отучились, а уже переучились: мотивы прохождения программ профессиональной переподготовки молодыми специалистами».

¹⁹ «Однако, несмотря на увеличение доли работников с высшим образованием на рынке труда, при прочих равных условиях наблюдается значительная отдача от высшего образования (заработная плата работников с высшим образованием более чем на 25% превышает заработную плату работников со средним образованием). Кроме того, обращает на себя внимание факт отсутствия отдачи от среднего профессионального образования. Обучение в учреждении среднего профессионального образования (СПО), при прочих равных условиях, практически не ведет к увеличению заработной платы» [Рудаков 2015, с. 51].

российским стандартам, что играет разрушительную, демотивирующую роль в трудовых и профессиональных ориентациях молодежи [Зубок, Чупров 2015, с. 116].

Трудно поверить, что молодые люди и их родители, «голосующие» за СПО, не замечают как минимум проигрыша в зарплате. Тем не менее выбирающих СПО становится все больше, при этом в вузы после СПО идут немногие. По результатам федерального статистического выборочного наблюдения трудоустройства выпускников²⁰, получивших среднее профессиональное образование, 1/5 специалистов среднего звена и немногим менее 1/6 квалифицированных рабочих, служащих имели намерения продолжать обучение на следующих ступенях образования (22,8 и 14,1% соответственно); и только небольшая часть все же пошла учиться дальше: в 2010–2015 гг. среди выпускников СПО продолжили обучение в 2016 г. 14,7%, среди получивших квалификацию рабочих, служащих – 6,2%.

Предположение, что массовый поток избирающих СПО составляют не только сделавшие этот выбор вынужденно, под давлением обстоятельств (что, собственно, не является выбором), представляется вполне обоснованным. Часть этого потока – молодые люди, которые избрали СПО, по-видимому, в результате оценки имеющихся и требуемых для получения высшего или среднего специального образования ресурсов (финансовые затраты, затраты времени и усилий), а также шансов на трудоустройство и, возможно, других обстоятельств (связанных, в частности, с региональными особенностями). По всей видимости, они предпочли быть менее удовлетворенными различными аспектами работы, в частности, и самой работой в целом, чем выпускники вузов, коими они имели возможность стать. Возможно, их стоит назвать реалистами? В советское время отдавалось предпочтение высшему образованию, которое гарантировало, как отмечено выше, не большую зарплату, но другие преимущества, с трудом поддающиеся количественному измерению. Теперь такие бонусы вузовский диплом не предоставляет²¹. Так зачем тратить годы и усилия, если есть вероятность остаться потом у разбитого корыта? Но этого предположения, возможно, недостаточно для того, чтобы подойти к объяснению социального поведения молодежи. Дело, по-видимому, не только в подобных прагматических соображениях: «недостающее звено» для интерпретации может найтись в характеристиках молодежи выбранного нами диапазона возрастов.

Во все времена человек оказывается сложнее простой экономической модели. Он ищет не только материального успеха. А может, и не только профессионального. Возможно, и не (только) в работе. Новые поколения, возможно, еще и значительно отличаются в этом от предыдущих, пытающихся объяснить их посредством знакомых моделей²². Как удовлетворенность работой, профессией, полученным образованием не определяется исключительно заработком, так

²⁰ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html

²¹ Последствия появившихся расхождений между образовательными ориентациями молодежи и возможностями их реализации как в нашей стране, так и за рубежом рассматривались в [Константиновский, Чередищенко, Вознесенская 2002, с. 71].

²² «Мы живем в эпоху социального перелома. В отличие от 1990-х гг., в России в 2000-е гг. он не связан непосредственно с радикальными политическими или экономическими преобразованиями, а, напротив, происходит в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и сопряжен скорее со сменой поколений – приходом молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия окружающего. <...> Происходят (во многом уже произошли) важные социальные сдвиги, которые скажутся в будущем и на последующих поколениях.» [Радаев 2018, с. 15].

и социальное самочувствие детерминировано не только работой. Вероятно, в настоящее время не столько экономический статус и материальное благополучие являются основой для социального самочувствия молодежи: возникают иные основания для формирования самоощущения в социальной реальности, которые пока не получают широкого отображения в социальных исследованиях.

Заключение

Нет смысла обсуждать, насколько точны данные, которые представил SuperJob. Важно, что уловлена тенденция, показан сдвиг в социальных ориентациях, в настроениях общества; важность этих перемен нельзя недооценивать. Реальная (а не декларативная) конкуренция СПО и высшего образования, в которой СПО одерживает верх, – об этом еще несколько лет назад и помыслить было бы странно.

Можно ожидать, что рынок труда, устремления молодежи и образовательная инфраструктура будут в большей мере соответствовать друг другу, спрос на рабочую силу станет содержать более реальные требования, молодежные ориентации окажутся в значительной мере зеркалом этих требований, а образовательные организации будут в большей степени ориентированы на удовлетворение потребностей национальной экономики. Эти вероятные позитивные следствия перемен, безусловно, значимы.

Вместе с тем при неблагоприятном развитии событий возможны иные последствия. Речь идет о рисках для человеческого капитала в масштабах страны. Доля граждан, обладающих вузовскими дипломами, – важнейшая часть человеческого капитала, даже если значительное число этих людей имеет не соответствующую диплому квалификацию, а лишь формальные свидетельства о ней, и если работает не по специальности. Это доля граждан, ощущающих большую или меньшую причастность к образованию и слою общества, этим признаком маркируемому. Они прошли процесс социализации в высших учебных заведениях, что означает для состояния общества не меньше, а возможно, и больше, чем профессиональные знания. Поэтому уменьшение стремления к высшему образованию и спад вовлеченности в эту сферу таят в себе определенные опасности, и в этой ситуации крайне важно не перейти черту, отказываясь от высшего образования: если обусловленный состоянием экономики и усиленным прочими обстоятельствами прагматизм при выборе жизненной траектории победит, общество потеряет многое из того, чем обладает сегодня.

Нельзя забывать о самооценке высшего образования. Оно не только профессиональное. По словам молодежи, уже имеющей стаж работы по совершенно иной специальности, чем та, которой обучалась, она не жалеет о годах, проведенных в вузе: эти годы дали широкий кругозор, дали знания, которые остаются ценными на всю жизнь; а специальность, нужную рынку труда, можно получить потом на курсах²³. Молодой рабочий делился в интервью намерением обязательно дать детям высшее образование; и не потому, что оно потребуется при трудоустройстве²⁴.

23 Проект «Разработка и апробация инструментария мониторинга непрерывного образования в регионах Российской Федерации», АНХ, 2005–2006 гг.

24 Проект «Рабочая молодежь сегодня: учеба, работа, социальное самочувствие, РГНФ, 2010–2011 гг.

Нет сомнений, что нужно отвечать на вызовы рынка труда. Но в то же время не может быть сомнений и в том, что ими цели развития не ограничиваются. Перевес нынешней привлекательности СПО над былым престижем высшего образования требует исследований специальной направленности и комплексного изучения побудительных мотивов сегодняшнего социального поведения молодежи, аспектов ее дальнейшего трудоустройства и социального самочувствия. И на этапе перелома социальных тенденций (до определения ключевых исследовательских гипотез и планирования методов анализа) не следует пренебрегать исчерпывающей дескриптивной статистикой в логике эксплораторного анализа [Девятко 2018, с. 31–32], примененного в этой статье. Статья – лишь один из шагов, которые, следует надеяться, приведут к содержательному объяснению происходящего.

Литература

- Александров Д.А., Тенишева К.А., Савельева С.С. (2015) Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования. № 3. С. 66–91.
- Андрушак Г.В., Прудникова А.Е., Шугаль Н.Б. (2012) Потоки обучающихся и финансовые потоки в системе образования России // Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». № 2(56). М.: ВШЭ.
- Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю., Малик В.М. (2017) Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. № 3. С. 83–109.
- Гимпельсон В.Е. (2016) Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. № 10. С. 129–143.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2009) Молодежь России: демографические тенденции историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. № 6(94). С. 5–36.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2010) Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ.
- Девятко И.Ф. (2018) Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и представлению данных в социальных науках // Социологические исследования. № 12. С. 30–38. DOI: 10.31857/S013216250003163-2
- Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Травкин П.В. (2019) Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. № 1. С. 109–136.
- Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И., Абанкина И.В. (2019) Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. М.: ВШЭ.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2015) Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда // Социологические исследования. № 5. С. 114–122.
- Индикаторы образования-2013: статистический сборник (2013). М.: ВШЭ.
- Индикаторы образования-2017: статистический сборник (2017). М.: ВШЭ.
- Индикаторы образования-2018: статистический сборник (2018). М.: ВШЭ.
- Ключарев Г.А. (2015) Разрыв образования и рынка труда. Мнения // Социологические исследования. № 11. С. 49–57.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. (2011) Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. (2016) Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–19.

- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. (2018) Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030
- Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. (2002) Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М.: ЦСП.
- Меньше половины россиян заявили о планах своих детей поступать в вуз (2019) // ТАСС. 18 июня 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/6560046>
- Минпросвещения России открыло горячую линию для абитуриентов, поступающих в колледжи и техникумы (2019) // ТАСС. 8 июля 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/6642642>
- Образование в цифрах 2019: краткий статистический сборник (2019). М.: ВШЭ.
- Поздеева М. (2019) ВЦИОМ и «Левада-Центр» назвали хайпом исследование Superjob о планах выпускников не идти в вузы // Daily Storm. 18 июня 2019 // <https://dailystorm.ru/news/vciom-i-levada-centr-nazvali-haypom-issledovanie-superjob-o-planah-vypusknikov-ne-idti-v-vuzy>
- Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
- Россия в цифрах-2018: краткий статистический сборник. М.: Росстат.
- Россияне стали массово отказываться от высшего образования (2019) // Московский комсомолец. 18 июня 2019 // <https://www.mk.ru/social/2019/06/18/rossiyane-stali-massovo-otkazyvatsya-ot-vysshego-obrazovaniya.html>
- Рудаков В.Н. (2015) Динамика заработной платы молодежи на российском рынке труда // Вопросы статистики. № 11. С. 43–57. DOI: 10.34023/2313-6383-2015-0-11-43-57
- Сафиулина А. (2019) Дипломы больше не нужны? А что тогда? Как меняются требования на рынке труда // ТАСС. 26 марта 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/6254884>
- Семенова Л.А. (2011) Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестник Института социологии. № 2. С. 87–105.
- Труд и занятость в России-2017: статистический сборник. М.: Росстат.
- Трушин А. (2019) Учебный экономкласс // Журнал «Огонек». № 15. 22 апреля 2019. С. 19–22 // <https://www.kommersant.ru/doc/3945201>
- Ядов В.А. (2013) Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ.
- Ainsworth J.W., Roscigno V.J. (2005) Stratification, School-work Linkages and Vocational Education // *Social Forces*, vol. 84, no 1, pp. 257–284.
- Becker S.O. (2006) Introducing Time-to-educate in a Job-search Model // *Bulletin of Economic Research*, vol. 58, no 1, pp. 61–72.
- Forster A.G., Bol T., Werfhorst H.G. van de (2016) Vocational Education and Employment over the Life Cycle // *Sociological Science*, no 3, pp. 473–494.
- Iannelli C., Raffe D. (2007) Vocational Upper-Secondary Education and the Transition from School // *European Sociological Review*, vol. 23, no 1, pp. 49–63.
- McGrath S., Powell L. (2016) Skills for Sustainable Development: Transforming Vocational Education and Training beyond 2015 // *International Journal of Educational Development*, vol. 50, pp. 12–19.
- Wheeler L. (2015) Not Just Skills: What a Focus on Knowledge Means for Vocational Education // *Journal of Curriculum Studies*, vol. 47, no 6, pp. 750–762.

Vocational vs Higher Education

D. KONSTANTINOVSKIY*, E. POPOVA**

***David Konstantinovskiy** – DSc in Sociology, Head of Department of Sociology of Education of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: scan21@mail.ru

****Ekaterina Popova** – PhD in Sociology, Leading Researcher, Department of Sociology of Education of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: espopova@isras.ru

Citation: Konstantinovskiy D., Popova E. (2020) Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 6–26 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26

Abstract

Significant changes have taken place in the educational and professional trajectories of Russian youth in recent years. Enrollment in upper-grade vocational education programs exceeded enrollment in higher education programs in 2015 and continues to grow. This is particularly noteworthy in the context of debates on the expansion of higher education. This article compares the rates of employment and unemployment, the motivation of choice, the dynamics of interest, and the social well-being after job acquisition between the holders of vocational (ISCED 4, 5) and higher education (ISCED 6, 7) qualifications based on state statistics and data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey. The results substantiate the conclusion that higher education degrees have lost both real and symbolic value both for the holders (including potential ones) and employers. This urges a comprehensive assessment of the qualifications system. In particular, decreasing aspirations for higher education and declining enrolments entail certain risks for the accumulation and effective implementation of human capital.

Key words: youth, education, educational trajectories, vocational education, higher education, labor market

References

- Ainsworth J.W., Roscigno V.J. (2005) Stratification, School-work Linkages and Vocational Education. *Social Forces*, vol. 84, no 1, pp. 257–284.
- Aleksandrov D.A., Tenisheva K.A., Savelyeva S.S. (2015) Mobil'nost' bez riskov: obrazovatel'nyy put' «v universitet cherez kolledzh» [No-Risk Mobility: Through College to University]. *Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 66–91.
- Andrushchak G.V., Prudnikova A.E., Shugal N.B. (2012) Potoki obuchayushchikhsya i finansovye potoki v sisteme obrazovaniya Rossii [Learner Flows and Financial Flows in the Russian

- Education System]. *Monitoring of Education Markets and Organizations (MEMO)*, no 2(56), Moscow: HSE.
- Becker S.O. (2006) Introducing Time-to-educate in a Job-search Model. *Bulletin of Economic Research*, vol. 58, no 1, pp. 61–72.
- Bessudnov A.R., Kurakin D.U., Malik V.M. (2017) Kak voznik i chto skryvaet mif o vseobshchem vysshem obrazovanii [The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context]. *Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 83–109.
- Gimpelov V.E. (2016) Nuzhen li rossijskoj ekonomike chelovecheskij kapital? Desyat somnenij [Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts]. *Voprosy ekonomiki*, no 10, pp. 129–143.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2009) Molodezh' Rossii: demograficheskie tendentsii, istoricheskoe soznanie [Youth of Russia: Demographic Trends, Historical Consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 6(94), pp. 5–36.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskij portret* [Youth of Russia: a Sociological Portrait], Moscow: TSSPiM.
- Devyatko I.F. (2018) Novye dannye, novaya statistika: ot krizisa vosproizvodimosti k novym trebovaniyam k analizu i predstavleniyu dannykh v sotsial'nykh naukakh [New Data, New Statistics: from Reproducibility Crisis toward the New Requirements to Data Analysis and Presentation in Social Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 30–38. DOI: 10.31857/S013216250003163-2
- Dudyrev F.F., Romanova O.A., Travkin P.V. (2019) Trudoustrojstvo vypusknikov sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya: vse yeshcho omut ili uzhe brod [Employment of Vocational Graduates: Deep Down Still or Shallow Already?]. *Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 109–136.
- Dudyrev F.F., Romanova O.A., Shabalin A.I., Abankina I.V. (2019) *Molodye professionaly dlya novoy ekonomiki: srednee professional'noe obrazovanie v Rossii* [Young Professionals for the New Economy: Secondary Vocational Education in Russia], Moscow: HSE.
- Forster A.G., Bol T., Werfhorst H.G. van de (2016) Vocational Education and Employment over the Life Cycle. *Sociological Science*, no 3, pp. 473–494.
- Iannelli C., Raffè D. (2007) Vocational Upper-Secondary Education and the Transition from School. *European Sociological Review*, vol. 23, no 1, pp. 49–63.
- Indikatory obrazovaniya-2013: statisticheskij sbornik* [Indicators of Education in the Russian Federation: Data Book] (2013), Moscow: HSE.
- Indikatory obrazovaniya-2017: statisticheskij sbornik* [Indicators of Education in the Russian Federation: Data Book] (2017), Moscow: HSE.
- Indikatory obrazovaniya-2018: statisticheskij sbornik* [Indicators of Education in the Russian Federation: Data Book] (2018), Moscow: HSE.
- Klyucharev G.A. (2015) Razryv obrazovaniya i rynka truda. Mneniya [The Gap between Education and the Labor Market. Opinions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 49–57.
- Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya Ye.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. (2011) *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998–2008 gody* [Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2016) Otnoshenie molodozhi k obrazovaniyu v sovremennoj Rossii [The Attitude of Youth to Education in Modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 5–19.
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2018) Rossijskoe srednee professional'noe obrazovanie: vostrebovannost' i spetsifika vybora [Russian Secondary Vocational Education: Relevance and Specificity of Choice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030
- Konstantinovskiy D.L., Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D. (2002) *Rossijskij student segodnya: uchoba plus rabota* [Russian Student Today: Study plus Work], Moscow.
- McGrath S., Powell L. (2016) Skills for Sustainable Development: Transforming Vocational Education and Training beyond 2015. *International Journal of Educational Development*, vol. 50, pp. 12–19.
- Men'she poloviny rossiyan zayavili o planakh svoikh detej postupat' v vuz [Less than Half of Russians Announced Their Children's Plans to Go to College] (2019). TASS, June 18, 2019. Available at: [Electronic resource]. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/6560046>, accessed 12.12.2019.

- Minprosveshcheniya Rossii otkrylo goryachuyu liniyu dlya abiturientov, postupayushchikh v kolledzhi i tekhnikumy [The Ministry of Education of Russia Opens a Hotline for Applicants Entering Colleges and Technical Schools]. *TASS*, July 8, 2019. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6642642>, accessed 12.12.2019.
- Obrazovanie v tsifrakh 2019: kratkij statisticheskij sbornik* [Education in Numbers 2019: a Brief Data Book] (2019), Moscow: HSE.
- Pozdeyeva M. (2019) WCIOM i «Levada-Tsentr» nazvali khajpom issledovanie Superjob o planakh vypusnikov ne idti v vuzy [WCIOM and “Levada-Tsentr” Called the Hype the Superjob Study on the Plans of Graduates not to Go to Universities]. *Daily Storm*, June 18, 2019. Available at: <https://dailystorm.ru/news/vciom-i-levada-centr-nazvali-hajpom-issledovanie-superjob-o-planah-vypusnikov-ne-idti-v-vuzy>, accessed 12.12.2019.
- Radayev V.V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenij: empiricheskij analiz [Millennials Compared to the Previous Generations: an Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
- Rossiya v tsifrakh-2018: kratkij statisticheskij sbornik* [Russia in Numbers: Short Data Book] (2018), Moscow: Rosstat.
- Rossiyane stali massovo otkazyvat'sya ot vysshego obrazovaniya [Russians Abandoning Higher Education] (2019). *Moskovskij komsomolets*, June 18, 2019. Available at: <https://www.mk.ru/social/2019/06/18/rossiyane-stali-massovo-otkazyvatsya-ot-vysshego-obrazovaniya.html>, accessed 12.12.2019.
- Rudakov V.N. (2015) Dinamika zarabotnoj platy molodezhi na rossijskom rynke truda [The Dynamics of Youth Wages in the Russian Labor Market]. *Voprosy statistiki*, no 11, pp. 43–57. DOI: 10.34023/2313-6383-2015-0-11-43-57
- Safiullina A. (2019) Diplomy bolshe ne nuzhny? A chto togda? Kak menyayutsya trebovaniya na rynke truda [Don't You Need Diplomas Anymore? And What Then? How Labor Market Requirements Are Changing]. *TASS*, March 26, 2019. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6254884>, accessed 12.12.2019.
- Semonova L.A. (2011) Osobennosti professional'no-trudovogo samoopredeleniya molodozhi [Features of Professional and Labor Self-determination of Youth]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no 2, pp. 87–105.
- Trud i zanyatost' v Rossii-2017: Statisticheskij sbornik* [Labor and Employment in Russia-2017: Data Book] (2017), Moscow: Rosstat.
- Trushin A. (2019) Uchebnyj ekonomklass [Training Economy Class]. *Ogonok*, no 15, April 22, 2019, pp. 19–22. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3945201>, accessed 12.12.2019.
- Wheeler L. (2015) Not Just Skills: What a Focus on Knowledge Means for Vocational Education. *Journal of Curriculum Studies*, vol. 47, no 6, pp. 750–762.
- Yadov V.A. (2013) *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and Prediction of Individual Social Behavior: A Dispositional Concept], Moscow: TSSPiM.
- Zubok U.A., Chuprov V.I. (2015) Molodeye spetsialisty: problema podgotovki i polozhenie na rynke truda [Young Specialists: the Problem of Training and the Situation on the Labor Market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 114–122.